

МЕХАНИЗМЫ ЦЕННОСТНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ОБЩЕСТВА*

В.Г. ФЕДОТОВА

Неудовлетворенность ценностным состоянием общества, ощущение, что ценности меняются не в лучшую сторону, критика консьюмеризма как ценностной ориентации, аномии как кризиса ценностей в большинстве отечественных и многих зарубежных работах ведут к призывам изменить ценности, вернуть «подлинные ценности», сформировать новые, направленные на достижение общего блага и составляющие основу общества. Нередко представляется, что изменить ценности легче, чем другие виды реальности. Однако дело обстоит прямо противоположным образом: *ценности обнаруживают свойства объективного мира* — они не управляются желаниями человека, «воспитательными мерами», их изменить не легче, чем технологии или политический строй, они «упорны», если установились, и неустойчивы в периоды социальных трансформаций.

В феноменологии предпринята попытка описать процедуры, посредством которых можно задать направление перестройки ценностей. Это — типизация (разделение «плохого» и «хорошего»), хабиитуализация (опривычивание «хорошего»), институционализация (закрепление норм и поддерживающих их институтов), легитимация (оправдание этого выбора, так как при кризисе ценностей хорошее не самоочевидно), передача новых ценностей следующим поколениям¹. С помощью СМИ, образования, воспитания в семье, в коллективе такая процедура вполне применима.

Однако эта социальная технология не может быть проведена в глобальном масштабе из-за локальности отдельных культур, различия их ценностных систем, а для ее проведения в конкретном обществе имеется то препятствие, которое хотят преодолеть — кризис ценностей, отсутствие консенсуса по поводу базовых ценностей.

Ценностная конвенция — кризис — реконвенциализация

В целом динамика ценностей — объективный процесс, механизмы которого недостаточно изучены и не всегда одинаковы.

*Статья подготовлена в рамках проекта Российского государственного научного фонда (РГНФ) «Роль конвенций в механизме формирования ценностей», грант № 09–03–00642.

Думается, что надо отбросить претензии на универсальность подобных механизмов и говорить о них применительно к некоторому процессу, который изучается под этим углом зрения. В монографии «Глобальный капитализм: Три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношения экономики и общества»² нам (авторам данной книги) удалось найти в литературе приемлемую модель механизма ценностных изменений, которую мы развили и применили к сегодняшним процессам модернизации. Из всего изученного и прочитанного мы остановились на позиции известных отечественных философов Л.А. Микешиной, А.С. Ахиезера и на концепции признанного немецкого социолога П. Вагнера, работы которого ставят его в один ряд с выдающимися немецкими исследователями – К. Оффе, К.-О. Апелем и Ю. Хабермасом.

Л.А. Микешина показывает, что смена ценностей не обходится без конвенций, составляющих базовое когнитивное следствие коммуникаций: «...отличие конвенции состоит в том, что она акцентирует отсутствие внутренней необходимости в данной схеме поведения и часто предполагает некоторую долю явного или молчаливого соглашения, по которому определенный способ поведения должен восприниматься как “правильный” (ценностно санкционированный)»³. Примером конвенции Микешина называет обычай. Но и ценности могут стать следствием конвенций, по крайней мере, в период ценностного кризиса механизмы конвенциализации могут быть применены. Это убедительно показал П. Вагнер⁴.

В своей книге о развитии эпохи модернити (современности) Вагнер вводит следующую схему ценностной динамики: согласие общества по большинству принятых ценностей, называемое им *ценностной конвенцией*. Со временем или в ходе происходящих процессов конвенции начинают разрушаться. Наступает кризис – невозможность жить со старыми ценностями при одновременном отсутствии новых ценностей, которые бы возродили согласие. Кризис может быть продолжительным, но рано или поздно появляются новые ценности, объединяющие общество, и этот процесс называется *реконвенциализацией*. Применив этот механизм к смене форм современности, Вагнер весь XIX век и начало XX вплоть до Первой мировой войны определил как *первую – либеральную современность*. Следующий период – начиная с 1900 г. – был обозначен как кризисный. Идущая вслед за ним – *вторая современность* (с 1920 г.) – была названа *организованной современностью*. А с 1960-х годов как *завершающий ее этап наступил кризис*.

Размышляя о дальнейшей судьбе современности, о ее третьем этапе Вагнер предположил, что это будет новая гуманная либеральная современность⁵.

Мы дополнили эту модель анализом указанных кризисов, критикой ожиданий от новой, уже существующей, третьей, современности, которая оказалась не либеральной и определена нами как *новое Новое время для незападных стран*. Речь идет о вступлении в капитализм, или хозяйственную демократию (и третью современность) незападных стран – России, Индии, Китая, Бразилии, Индонезии и др. Эта эпоха стала новым Новым временем для них подобно тому, как прежнее Новое время открывало перспективы для Запада⁶.

Только *вся история* первой современности и капитализма XIX века объясняет, почему или, точнее, *как* в обществе была достигнута конвенция относительно ценностей свободы, прогресса, автономии индивида, значимости наций, почему экономика выступила как первая система целерациональности.

Наиболее значимыми точками либеральной современности явились индустриализация и первая глобализация, начавшаяся в 1885 г. как английский free trade и завершившаяся в 1914 г. с началом Первой мировой войны. *Кризис первой современности* вызревал с начала 1900-х годов из-за неравномерности развития и соперничества мировых держав в глобальной торговле – Россия и Германия ошущали себя отставшими от Великобритании. Свобода и прогресс начали восприниматься как неравномерно распределенные. Экономическая доминанта подавляла самостоятельность и автономность общества и внеэкономических отношений в нем. Либеральная экономика завоевала значительную часть социального пространства и оставила мало места для остальных сфер общества. Первая мировая война нанесла удар по первой либеральной современности, либеральному капитализму, первой глобализации, остановив эти процессы.

Казалось, что старые ценности «повинны» в том, что не могли себя ограничить, закрыли горизонт ценностным инновациям, что Запад XIX в. уверовал в естественность и «правильность» своих ценностей. Теперь старый мир представлялся разрушенным, и было трудно поверить в возможности возникновения нового. Но он возник. Возник в форме, оппозиционной прежде существовавшей – как *вторая, организованная современность*, начавшая складываться на Западе в 1920-е годы. Набирали силу *ценности организации* – возрастание роли государства, попытки уйти от революционного опыта России путем организованной деятельности социал-демократии, через развитие техники и прихода к власти новой организующей силы – технократии, торжества новой формы целе-рациональности, представленной техникой, технологией и технократией.

Утверждение новых ценностей после кризиса мы назвали вслед за Вагнером *реконвенциализацией*⁷. Она не повторила предшествующие ценности, не восстановила их, что можно было бы назвать

реактуализацией (это часто встречается, особенно в политике и идеологии консервативных партий). *Реконвенциализация* дала жизнь ценностям, отрицавшим прежние и не вследствие проектной деятельности ученых или появления новых конструктов повседневного сознания, а в ходе естественной эволюции, незабытых ужасов войны, в атмосфере страха перед отсутствием социального порядка, смены картины мира.

Далее мы обратились к кризису конца 1960-х — конца 1990-х, обратившись, в отличие от Вагнера, к столь длительному периоду. Мы выделили в нем процессы, которые им не были обозначены: студенческие движения на Западе, подъем Японии, виртуализацию экономики. Ни один из этих процессов не был предвидим, не вписывался в парадигмы двух предыдущих «современностей», не мог быть описан имеющимися научными и когнитивными средствами и вызвал волну истолкования эпохи как порвавшей с модернизмом, перешедшей к постмодернизму. Революционные устремления посткоммунистических стран к либерализму были попыткой *реактуализации* и частично *реинтерпретации* либеральной современности, противопостоящей ироническому и «всеядному» постмодернизму утверждением должного, нужного, единственно возможного, того, чему «иного не дано». Только после провала этих двух курсов — неомодернизма и постмодернизма и их ценностных мотиваций усилия выйти из кризиса ценностей привели к результату. Он состоял в формировании **новой, третьей современности** (вместо ожидаемой постсовременности или возврата в модернизму XIX века).

Для третьей современности характерны идеи *экономического роста, национального самоутверждения незападных стран, сочетающих свою культуру с национальными моделями модернизации, принимающими вестернизацию по мере надобности для решения собственных проблем, с новыми возможностями Интернета и индивидуального творчества*. Если раньше гражданские ассоциации в этих странах допускались властями, и условием такого допуска со стороны государства была боязнь ответственности за нежелательные события (так, Общественная палата была создана после Беслана), то теперь сетевые сообщества Интернета обрели независимость, автономию и в ряде случаев силу.

С помощью модели П. Вагнера нам удалось проанализировать конкретные этапы современности (особенно третью современность, совершенно отличную от ожидаемой им) и кризисы между ними (особенно между второй и третьей современностями), справиться с вопросом о динамике ценностей исторически. Но каковы теоретические возможности понять, что прерывает устоявшийся ценностный порядок и толкает к кризису ценностей?

Объективный характер ценностной динамики и проблема сатурации (насыщения) общества

Выше я стремилась показать объективный характер ценностной динамики, разгадка которой коренится в истории. Поверх этой осевой линии могут происходить всевозможные успехи или провалы людей, сообществ и обществ в сфере ценностных инноваций. Идеи естественно-исторической эволюции общества сегодня подтверждаются множеством сценариев будущего, как мирового, так и российского, поскольку осознана нелинейность процесса развития, прохождения траекторий изменения через точки бифуркации, меняющиеся тренды. Но этой нелинейности и неопределенности противостоит социально-технологический пафос, уверенность в действиях человечества, общества и отдельных людей, направленных на сознательное производство спасительных инноваций в социальной сфере.

Возвращаясь к поставленному вопросу о том, как теоретически можно представить причину неприемлемости ценностных систем на определенном этапе, мы нашли заимствованную у П. Сорокина финским ученым П. Сулкуненом интересную мысль о сатурации (насыщении). У Сорокина это была мысль-метафора, характеризующая имманентные причины социальных изменений. Сулкунен превратил эту метафору в концепт⁸. Полагаем, что книга этого автора, в которой он изложил проблему сатурации, вышедшая на английском языке, делает его одним из крупных исследователей.

Кажется, что слово «насыщение» принадлежит миру коммерции, где успех продаж сдерживается пресыщением и насыщением, тем более, что в заголовке книги Сулкунена стоит выражение «консьюмеристская культура». Но дело не в этом. Как раз в потребительской культуре, по мнению некоторых ее исследователей, например З. Баумана, не происходит насыщения, так как индивид устремлен не к вещи, а желанию вещи. Его цель – желать желания. Прежняя страсть к потреблению удовлетворялось исполненным желанием, но теперь для потребителей необходимо «постоянно находиться в движении – искать и не находить, а точнее, “пока не находить” – это не болезнь, а обещание блаженства, может быть само блаженство. Они столько ожидают от путешествия, что прибытие на место становится для них проклятием (“...удовлетворение – это несчастье желания”»⁹.

Финский автор простым примером показывает, о чем у него идет речь: вода может нагреваться только до ста градусов, далее она превращается в пар. Новые ценности вдохновляют общество, внедряются, насыщают его, пока общество не окажется целиком насыщено этими ценностями, не дающими ему увидеть новые проблемы. О том, что Запад XIX века (целый век!) был настолько восхищен своим ценностями, настолько насыщен ими, что не увидел

опасности, не усвоил критику, писали многие. Например, К. Поланьи в США периода Второй мировой войны получает грант для написания книги «Великая трансформация», в которой он объявляет великую трансформацию – переход к либеральной современности – ответственной за появление фашизма. Не борясь с собственными недостатками, либеральная эпоха, перенасыщенная своими ценностями, не выдвинула идей, которые могли бы ее сохранить, но породила врагов, которые были готовы ее уничтожить. Большая фундаментальность концепта «общество» в сравнении с реально преобладающим концептом «рынок» подвела либеральную современность. Увлечение благосостоянием, экономическим ростом, сегодня захватившее уже не один миллиард населения Запада, а пять миллиардов жителей планеты, ставит вопросы об опасности подорвать рынком не только общество, но и природу.

По мнению Сулкупена, идеалами прогресса, универсализма, индивидуализма и становления наций, присущими первой современности, к концу XIX в. общества были уже насыщены. Развитие капитализма к началу XX в. столкнулось с насыщением, исчерпывающим общепринятые принципы и ценности, превращая их в амбивалентные, имеющие свои противоположности в качестве актуальных факторов формирования нового мира. Среди них: консьюмеризм – конфликтующие классы; социальная справедливость – неравенство; экономический рост – экологические проблемы, духовные, моральные, экономические, социальные, экологические ценности – материальные ценности; дух капитализма – его критика и т.д. Появление оппонирующих ценностей создает ситуацию ценностных конфликтов.

Аномия

Кризис ценностей ведет к аномии – ценностному рассогласованию или даже к потере ценностных ориентаций. Кризис – это время аномии в масштабах общества.

По мнению М. Кастельса, в сетях, которые начинают преобладать над иерархиями в информационном обществе, выстраиваются смыслы вокруг того, что ими выявляется. И это происходит не только в виртуальном мире. В этом противоречии – суть *внутренней полемики между человеком материальной, потребительской ориентации и идеалистом, которая может проходить в уме и сердце одного и того же человека*. Данное противоречие соответствует не болезненному переходному состоянию, а нормальному состоянию западного общества.

В концепции Э. Дюркгейма аномия – это ценностно-нормативный вакуум, который получается при переходе от одного типа общества к другому. В иерархии функций общества у Т. Парсонса культурный образец (ценности) является ведущим фактором. Ценности

и нормы воспроизводят систему, которая осуществляет свое развитие лишь при их сохранении и тем самым избегает аномии. В отличие от Дюркгейма и Парсонса, Р. Мертон не связывает аномию с переходными состояниями в обществе. Он видит постоянный источник аномии в социальной структуре капиталистического и особенно американского общества. Социальная структура у него представляет собой комбинацию двух параметров: одобряемых культурой данного общества индивидуальных целей и институциональных средств их достижения. Целями американца, соответствующими кредо его страны, являются материальная обеспеченность и успех. Но эти цели с трудом достигаются теми средствами, которые предлагаются институциональной структурой, а именно, образованием и упорным трудом. Несогласованность целей и средств и рождает аномию, ситуацию риска, которой общество с трудом противостоит.

Посткоммунистические преобразования описывались поочередно сменяющимися друг друга теориями модернизации, кризиса, транзита, аномии и, наконец, травмы. Это последнее описание – наиболее глубокое, касается любой из посткоммунистических стран и большинства их населения. Разрабатывая концепцию социального изменения как травмы, П. Штомпка показал, что посткоммунистический период травмировал поляков, несмотря на то, что сильнейшей травмой для них был приход коммунизма, из которого они в большинстве своем мечтали как можно скорее выйти. Российское общество, сознательно и небезуспешно поставившее на себе коммунистический эксперимент, продолжало оставаться более либерально-коммунистически настроенным, когда оно получило «удар» капитализма, более похожего на самые карикатурные описания коммунистической пропаганды, чем на то, с чем люди бы охотно смирились. Как Польшу, так и Россию потрясли перемены, вызвавшие большие разочарования.

Полученная травма, по мнению Штомпки, включает синдром недоверия; мрачный взгляд на будущее; ностальгию по прошлому; политическую апатию; травмы коллективной памяти и др.

Сценарии российского развития могут быть описаны изменением отношения к травме. Поляки почти добились *преодоления травмы*. Им помогла их нелюбовь к коммунизму, наличие польской диаспоры с западным опытом, инновационность, человеческий капитал, патриотизм и пр. Как указывает Штомпка, «вопреки ожиданиям пессимистов относительно скорого травмы посткоммунизма вступила в стадию излечения. В Польше в середине 90-х меняется большинство негативных тенденций, исчезают некоторые симптомы травм. Наиболее очевидны перемены в сфере доверия. Синдром недоверия после 1989 г. уступил место обратной тенденции, особенно доверия в обществе к институтам демокра-

тии и рынка... В Польше появился многочисленный богатый средний класс, чувствующий себя уверенно... Помимо новых форм личного и социального капитала, есть традиционные источники, успешно применяемые в новых условиях. Прочные дружеские, партнерские связи, сети знакомств...»¹⁰. Кроме весьма непрочно-го последнего фактора, в России не произошло ничего из описанного Штомпкой относительно Польши.

Углубление травмы возможно при ухудшения ситуации, новых манипуляциях на выборах вследствие стихийных бедствий, терроризма. *Сохранение травмы, но адаптация к ней* — это то, что происходит в России в течение долгого времени и характеризует апатию общества. Это — весьма опасный сценарий, нечто вроде иммунодефицита, толерантности к вредным воздействиям. Длительное сохранение и видоизменение травмы — это уже «вызов дьявола», как говорил А. Тойнби, на который нет ответа.

Травма углубила аномию. В плане потери значений субъективная реальность характеризуется как аномия. Она описана Э. Дюркгеймом как состояние человека накануне самоубийства. Об аномии целых обществ заговорили только сейчас. Р. Дарендорф в начале 1990-х поставил диагноз посткоммунистическим обществам: аномия (отсутствие норм или их рассогласование), сменяющая прежнюю гипернормию (сверхнормированность) периода коммунистических режимов)¹¹. Социально признанные значения рассредоточились по разным слоям общества, формируя противостоящие друг другу реальности и отсутствие общих ценностей. А.С. Ахиезер в споре с англичанином А. Кене доказал, что эта расколотость, представляющаяся его оппоненту всего лишь мультикультурализмом, является подлинным ценностным расколом¹². Введенное им понятие «раскол» дополнило характеристики кризиса ценностей, способного быть очень продолжительным и с трудом находящим пути к реконвенциализации.

Но аномия создавала уже не раскол, а расколотость на кусочки. Пережив эту аномию в 90-е годы, наше общество оказалось на уровне адаптации, потеряло представление о культурных образцах, утратило представление о смысле жизни и социально признанных идеалах и стало воспринимать любую ценностную интеграцию, которая конституирует общество, как проявление тоталитаризма. Идея начать все с чистого листа, как в Америке, противоречила реальному распределению социального знания (памяти, традиции, опыту), которое невозможно было отбросить, а можно было лишь исказить. Подобный замысел привел бы к сходному результату в любой стране. Аномия означает, прежде всего, то, что ценности, которые люди считали само собой разумеющимися и воспроизводимый порядок вещей, достигнутый практически и поведенчески, разрушаются.

Аномия в России 1990-х возникла по причинам, которые, применительно к Франции, обозначил Э. Дюркгейм в своих работах «Об общественном разделении труда» и «Самоубийство», а именно: быстрая смена экономических отношений на капиталистические при отсутствии новых моральных обоснований этой деятельности. Ведь Франция была католической страной, не подготовленной к капитализму протестантской этикой.

Другой причиной было, согласно Дюркгейму то, что органическая солидарность существовала наряду и вместе с механической. Под механической солидарностью он понимал солидарность традиционных обществ, заданную, как по инерции (механически), традицией. Органическую солидарность он обнаружил в современных обществах как связанную с разделением труда, подобно формированию специализированных органов живого организма. Сосуществование механической и органической солидарности создавало серьезные конфликты и ослабление солидарности. В нашем обществе аномия возникла в 1990-е годы как результат радикального отказа от прежде коллективно санкционированных ценностей и норм. Произошло разрушение механизма социального конструирования реальности, возник анархический порядок. Речь идет не о том, чтобы выдумать нормы для растерявшего их общества. В ситуации их разрушения было целесообразным аккумулировать все оставшиеся и бытующие в некоторых средах, в сознании многих людей, в сегодняшней повседневности и практике значения и теоретически обосновать новые, чтобы сделать эти значения не только достоянием «свободно парящей» интеллигенции, но и социально признанными в масштабах общества.

Аномия и произвела анархический порядок 1990-х.

Социальный контракт

Проблема социального контракта, или общественного договора, утверждающего ценностное единство, является классической темой философии. Это понятие характеризовало выход общества из естественного состояния и переход к государственному, а затем к гражданскому состоянию. У Т. Гоббса мы находим описание войны всех против всех, которую останавливает государство. Дж. Локк указывает при этом, что государство может быть самым сильным и несправедливым игроком, поэтому необходимо поставить его под контроль общества. Философы, писавшие об общественном договоре, не имели в виду процедурное договаривание. Это была абстракция, свидетельствововавшая об общих ценностях. Например, известный современный американский либерал У. Кимлика подчеркивает, что социальный контракт — это теоретическая абстракция.

В современной России попытки теоретической разработки понятия об общественном договоре, или социальном контракте, встречаются реже, чем предложения о договоре — в форме переговоров, диалога, дискуссии, диспута между влиятельными политическими и экономическими силами. Вера в процедурный характер социального контракта нередко упрощается до квазикриминальной формулы — «договариваться надо!» или «договариваться надо было», похожей на формулу «делиться надо». При этом отбрасывается представление о тех обширных социальных группах, по существу о массах, о народе, которые не участвуют в переделе собственности и власти. Не удастся избежать вопроса о легитимности передела собственности в глазах общества, отсутствие которой — источник новых переделов, а значит — нестабильности.

Не отрицая возможностей политической системы способствовать общественному договору, необходимо признать важность теоретического решения проблемы договора.

Социальный контракт в теоретическом плане явно синонимичен ценностному консенсусу, социальному капиталу, обеспечивающему общественные связи и доверие. Как отмечает известный экономист А. Аузан, «социальный контракт — это, в конечном счете, некоторые устойчивые долгосрочные правила, которые иной основы, кроме широкой конвенции, никогда не имеют и не будут иметь»¹³.

По мнению Аузана и обсуждающих его книгу и лекцию людей, идентичность граждан России, российское «мы» не сформировалось. Поскольку обсуждающие книгу Аузана люди склоняются к переговорным концепциям социального контракта, к «возможностям договориться», для них вопрос об идентичности является вопросом о том, кто может говорить от имени всех граждан России. На наш взгляд, конвенции, или социальный контракт, или ценностный консенсус, или российская идентичность не сложились после кризиса, не произошла реконвенциализация ценностей. Ценностный кризис не преодолен. Аузан отмечает: «А что главное в этом процессе? Совместные ценности формируются, когда мосты строятся не вдоль рек, а поперек, когда между собой общаются разные группы, сопоставляющие ценности, и тем самым вырабатываются не ценности групп, а ценности нации»¹⁴. «Мосты поперек реки» — это метафора продуктивной осмысленной деятельности. Но мне представляется, что переговорный процесс в пределах нации вряд ли возможен и продуктивен. Хотя бы потому, что социальный контракт никогда не формировался подобным образом и не может быть сформирован: противоречия возникают между элитными группами бизнеса и власти, и именно их отношения являются наиболее инструментальными.

Таким образом, можно заключить, что смена ценностей путем механизма реконвенциализации тесно сопряжена с такими понятиями, как сатурация, аномия, травма, социальный контракт, идентичность. Философия в начале нового века встала перед проблемами, которые именно ей предстоит решать.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. — М: Медиум, 2004. — С. 31 — 72; Покровский Н.Е. Проблема аномии в современном обществе. — М.: МГИМО, 1995. — С. 422 — 457.
- ² Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. — М.: Культурная революция, 2009.
- ³ Микешина Л.А. Эпистемология ценностей. — М.: Росспэн, 2007. — С. 151.
- ⁴ Wagner P. Sociology of Modernity: Liberty and Discipline. — L.; N. Y.: Routledge, 1994. — P. 31 — 72.
- ⁵ Ibid. — P. 30 — 80.
- ⁶ Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Указ. соч. — С. 536 — 558.
- ⁷ Wagner P. Sociology of Modernity. — P. 30 — 80.
- ⁸ Sulkunen P. The Saturated Society. Governing Risk and Lifestyles in Consumer Cultures. — Los Angeles; L.; New Delhi; Singapor; Washington: Sage, 2010.
- ⁹ Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. — М.: Весь мир, 2004. — С. 120.
- ¹⁰ Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Сопис. 2001. № 2. — С. 9.
- ¹¹ Дарендорф Р. Письмо польскому другу // Путь. 2004. № 3.
- ¹² Ахиезер А.С. Насколько мы разные // Неприкосновенный запас. 2002. № 6.
- ¹³ Договор 2008: новый взгляд. Обсуждение книги Александра Аузана. <http://www.polit.ru/lectures/2007/06/28/dogovor2008.html>
- ¹⁴ Там же. — С. 4.

Аннотация

В статье рассматриваются неизученные механизмы ценностных трансформаций и выхода из кризиса ценностей — реконвенциализация и сатурация (насыщение). Это позволяет уйти от наивных «воспитательных» взглядов на формирование ценностей, которые устойчивы в своих изменениях и создают ситуацию аномии в период своего кризиса. Вместе с тем, знание механизмов изменения ценностей позволяет усилить влияние на выход из ценностного кризиса, достижение социального контракта и развитие солидаристских практик.

Ключевые слова:

ценности, ценностные изменения, кризис ценностей, конвенции, реконвенциализация, сатурация, социальный контракт.

Summary

The importance of analyzing the mechanism of value changes, including its underexplored ways — reconventionalization and saturation is asserted. Using these categories, author analyses of the two values crises that ended up the first modernity (1900 — 1920) and the second modernity (late 1960 — 1990). Value changes caused by reconventionalization in the post-crisis period are analyzed.

Keywords:

values, values change, the crisis of values, conventions, reconventionalization, saturation, social contract.